

2. Бебик В. М. Информационно-коммуникационный менеджмент в глобальном обществе : психология, технологии, техника паблик рилейшнз : монографія / В. М. Бебик. – К. : МАУП, 2005. – 440 с.
3. Дэвис Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / Дж. Дэвис ; пер. с англ. Е. Кушнеренко, О. Полищук. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2003. – 864 с.

Рассматривается опыт проведения избирательных кампаний в США, как страны со значительным позитивным потенциалом в этом направлении. Анализируются зарубежные методики электорального маркетинга, деятельности маркетинговой и консультационной служб. Обосновывается, что даже передовые методики не должны слепо копироваться отечественными политологами. Весь электоральный опыт, накопленный зарубежной политической наукой, должен быть изучен, исходя из украинских социально-политических реалий.

Experience of leadthrough of hustings is examined in the USA, as countries with considerable positive potential in this direction. The foreign methods of the electoral marketing are analysed, to activity of marketing and consultative services. Grounded, that even front-rank methods must not be blindly copied domestic political scientists. All electoral experience, accumulated foreign political science, must be studied, coming from Ukrainian socio-political realities.

Стаття надійшла до редколегії 15.09.2015

УДК 329.63:17.033.2(4)

Васильева И. А., ГУ «ПНПУ имени К. Д. Ушинского»

ФЕНОМЕН СКВОТТИНГА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОНОМИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕВРОПЫ)

В статье рассматривается феномен сквоттинга, получивший сегодня достаточное распространение во многих странах. Изучение причин возникновения и процесса становления сквоттерства позволяет утверждать, что в современном мире существует достаточно благоприятная среда для развития данного явления.

Сквоттинг – одно из самых важных и интересных социальных движений второй половины XX века, оказавшее существенное влияние на политику, культуру, урбанизацию, идеи антиглобализма и автономизма.

Слово «сквот» происходит от английского термина «squatting», что означает самозахват населенных зданий, обычно покинутых владельцами.

Идейными предшественниками современных сквоттеров многие считают диггеров – сообщества крестьян, возникшие в эпоху буржуазной революции в Англии и критиковавшие идею частной собственности на землю и ее эксплуатацию властью. Они считали, что частная земля есть результат ее незаконного захвата, и призывали своих приверженцев возделывать незанятые угодья на коллективных началах.

Политизированную форму, которую реализовала молодежь радикально левых взглядов, сквоттерство обрело в эпоху расцвета хиппи, студенческих волнений и зарождения феномена контркультуры. Захваченные здания и территории начали использовать не только для реализации жилищной стратегии, но и для создания в них автономного социокультурного пространства [4, с. 1].

Окончательно сквоттинг оформляется в среде автономизма. Автономизм – название ряда левых политических и социальных движений и теорий, близких к социалистическому движению [5, с. 68].

Для нового поколения сквоттеров захват и проживание в пустующих полуразрушенных зданиях был формой идеологического отчуждения и антикапиталистической борьбы. Они не хотели быть включенными в общество и реализовывать его модели потребления, наоборот – стремились создать автономное самоуправляемое пространство, часто являющееся одновременно жильем, социальным и художественным центром.

Сквоттерское движение всегда было очень разнообразно по своему составу и своей идеологии. Оно включало в себя представителей многих субкультур и контркультур: хиппи, панков, революционно настроенных студентов, художников, музыкантов, творческую молодежь, андеграунд, городских активистов, антиглобалистов, – но всех их объединяла декларируемая оппозиция господствующей культуре и государству.

Заметим, что не все сквоттеры являются участниками сквоттерского движения. К ним следует отнести лишь тех, кто называет себя сквоттерами. Это та часть сквоттеров, которая стремится к созданию автономного социально-культурного центра.

Необходимо выделить две основные функции сквоттерства: во-первых, это представление пространства как для индивидуального, так и для коллективного проживания людей, а во-вторых, предоставление пространства для реализации творческого и политического потенциала участников сквоттерского движения [3, с. 5].

Значительную индивидуальность сквоттерство приобретает в связи с тем, что правила общежития в сквотах строятся не на четких правовых обязательствах проживающих в сквотах людей, узаконенных государством, а устанавливаются непосредственно самими участниками движения в заселенном пространстве. В каждом сквоте, соответственно, эти правила различные.

Сквоттерство по своей природе является протестным движением, противопоставляющее себя массовому обществу и государству.

Политические взгляды участников сквоттерского движения также варьируются, исходя из индивидуальности каждой личности и коллектива. Но если сквот себя позиционирует как политический, то в нем проживают люди левых, а именно анархических взглядов. По выражению русского анархиста Петра Алексеевича Кропоткина, анархисты стремятся осуществить «такой общественный строй, в котором нет никакой верховной государственной власти, а страна представляет собою вольные союзы вольных общин и вольных производственных групп или артелей, возникающих на основах взаимного договора, и разрешающих возможные споры между собою не путем насилия и оружия, а путем третейского суда» [2, с. 136]. Анархисты на деле осуществляют свои идеалы, создавая модель такой автономной общины в виде отдельно взятого сквота, а также налаживая связи с представителями подобных сквотов.

Существует некая классификация сквоттинга, предложенная голландским исследователем Хансом Прайтом. В статье «Squatting in Europe» он выделяет пять видов сквоттерства [8, с. 1]. Обозначим два из них, как наиболее радикальных.

Первый – так называемый кооперативный сквоттинг. В данном случае незаконный захват используется как тактика по противодействию властям или собственникам по сносу зданий (а иногда и целых кварталов) или их нерациональному использованию. Так, в 2000 году в Нидерландах группа активистов захватила военный форт Pannerden, препятствуя его перестройке в отель. На территории форта сквоттеры организовали музей, рабочие места для художников и регулярные экскурсии для посетителей. Собственниками неоднократно предпринимались попытки их выселения, один раз даже с участием военных частей, но активисты каждый раз возвращались и в итоге добились своего: с ними было заключено соглашение об участии в реконструкции и дальнейшем управлении территорией форта.

Другой вид сквоттинга – политический – выступает платформой для тех, кто занимается антисистемной политикой и идентифицирует себя с революционными идеями. Такие сквоттеры борются не за свои

или чьи-то права, а исключительно против системы и нередко состоят в оппозиции к представителям других форм сквоттеров. Они приверженцы левой идеологии. В подавляющем большинстве это анархисты, для которых характерно то, что они не поддерживают связи с коммунистическими и социал-демократическими партиями, а являются автономными, независимыми группами. Например, анархический польский сквот «De Centrum» – это «дом для таких групп, как Анархистская Федерация, Радикальное Антифашистское Действие, группа «Еда Вместо Бомб», Анархистский Черный Крест» [3, с. 27].

Повседневная жизнь сквоттеров, в определенном смысле, является политикой, низовой политикой современных протестных движений, которые называются «Grassroots».

Исследователь протестных движений Джордж Катсификас называет этот феномен «деколонизацией повседневности», считая, что «непосредственно «здесь и сейчас» автономисты показывают эффективность «прямого действия», справедливость горизонтальных связей, возможность реализации утопии. Автономисты чрезвычайно мобильны – в короткий срок они способны организовать свои разрозненные группы в мощную ударную силу, способную сокрушить повседневность» [1, с. 15]. Правила общежития в сквотах строятся на принципах консенсуса и прямой демократии в противовес правовым актам, на которых строится жизнь в государстве.

Теперь рассмотрим феномен сквоттерства и проследим историю его развития в некоторых странах Европы.

Первые сквоты в СССР начали появляться в перестройку в крупных мегаполисах – городская инфраструктура развивалась, а у властей не было ресурсов следить за нежилыми, брошенными и старыми зданиями. В отличие от Запада, советское сквоттерское движение не было политически активно и в основном занималось творческой деятельностью. Пустующие здания использовали как мастерские художники-радикалы, музыканты и прочие деятели альтернативного искусства [6, с. 1].

По-прежнему ведется и активная борьба со сквоттерами со стороны властей и криминализация их в глазах общественности. Так, в Нидерландах с октября 2010 года сквоттинг официально признан незаконной деятельностью, за которую полагается штраф и тюремное заключение. В Великобритании сквоттеры также находятся на нелегальном положении. Но и там, и в других европейских странах полумаргинальные элементы, левацкая молодежь и городские активисты регулярно занимают пустые дома, доставляя властям проблемы. Причем занимают их, не просто отгораживаясь от общества

обветшалыми стенами фабричных зданий, но и активно влияя на городское развитие, культурную повестку, локальную и иногда даже национальную и интернациональную политику. Примером последнего можно считать оккупацию лондонскими сквоттерами особняка сына Муаммара Каддафи в 2011 году с требованием вернуть дорогостоящее имущество и недвижимость, принадлежащую родственникам лидера, народу Ливии.

На Западе сквоттеры никогда не захватывают здание ночью, они приходят днем, вывешивают на захваченной территории черный анархический флаг с лозунгом «Этот дом – наш!» Захват пустующих зданий становится актуальным в последнее время из-за ухудшающихся экономических условий. Нуждающиеся ищут место для проживания, а работники креативной индустрии – дешевое пространство для реализации своих творческих идей.

Сквот «Мескаль» в городе Турин является ярким примером переделанного анархистами здания бывшей психиатрической лечебницы в общежитие-центр для творческой, развлекательной и политической деятельности. Материалы и рабочая сила были исключительно бесплатными, так как в проекте было заинтересовано множество людей; добровольцы и сочувствующие нашлись и среди далеких от практического анархизма горожан.

«Мескаль» принадлежит своим жильцам – они инспирируют и утверждают всю культурную и событийную повестку. У них нет лидеров и директоров, зато есть понимание слова «самоуправление». В нужный момент сквоттеры солидаризируются и сообща участвуют в решении какой-нибудь локальной проблемы – помогают беженцам, собирают деньги заключенным товарищам, устраивают хардкор-фестивали.

Немецкие сквоттеры конца 80-х годов стали общеевропейским символом победы автономного движения. Ареной борьбы с полицией была гамбургская улица Хафенштрассе. Тысячи людей участвовали в маршах поддержки сквоттерского движения. Вот что было напечатано в одной листовке по этому поводу: «Все существует в борьбе: боевое сопротивление, борьба за то, чтобы выжить в коммуне, интернационализм, борьба за самоуправление и коллективные структуры». Путь борьбы – вот на что указывали автономисты с Хафенштрассе. Гамбургское автономистское движение формировалось, в основном, из люмпен-пролетариата.

Клаус Доонанье, будущий мэр Гамбурга, не был способен контролировать хаос на Хафенштрассе. Четыре попытки выселить сквоттеров с помощью полиции не увенчались успехом. В то время в руках авто-

номистов оставалось только три сквота, и они перешли к решительным действиям – в контратаку пошло около 10 тысяч человек. Ядром была группа боевиков «Черный блок» из 1500 человек. В схватке многие полицейские были жестоко избиты. На следующий день автономисты сожгли 13 магазинов, причинив огромный ущерб собственникам. Власти пообещали за 2 недели очистить захваченные помещения от сквоттеров. Ответом были разгромы офисов государственных учреждений и ТНК. Итогом стала легализация сквотов по распоряжению мэра, администрация города обязалась отремонтировать захваченные дома.

Спустя месяц все завоевания сквоттеров были аннулированы консерваторами, когда мэр ушел в отставку. Годы переговоров ушли у активистов на то, чтобы добиться от правительства города долгосрочного договора об аренде захваченных ими помещений, но их уже не считали сквоттерами.

В дальнейшем круг автономистов стал сужаться, их сопротивление ослабевало и приобретало партизанский характер. Было замечено небольшое количество автономистов, принимавших участие в марше против визита Р. Рейгана в Берлин и в протесте против собрания МВФ и ВБ.

Движение потеряло доверие населения, а последующая его криминализация стала причиной массового оттока активистов в либеральные сферы оппозиции.

В начале 90-х почти все сквоты Восточной Германии легализовались, то есть их обитатели выкупили дома или получили возможность арендовать их на выгодных условиях.

Самым большим европейским сквотом считается берлинский «Кепи». Сквот представляет собой панк-общегитие, разрисованное граффити и увешанное черно-красными флагами. Сквотом здание стало после падения Берлинской стены и массового переезда восточных немцев в Западный Берлин. Опустевший дом собирались снести, но его вовремя оккупировали сквоттеры.

В итоге все это вылилось в четвертьвековую историю борьбы автономистов и власти: при попытках последних выселить постояльцев, жители вооружаются, двор баррикадируется, а у дверей подъездов дежурят панки [7, с. 25].

Завоеванное в те годы свободное пространство используется до сих пор. В больших городах сквоты остаются местом коллективного общегития, политической организации леворадикальных групп и проведения праздников. Здесь организуются различного вида акции, причем ни организаторы, ни участвующие не получают от этого

никакой экономической выгоды. Подобные мероприятия не только обеспечивают финансирование левых инициатив и проектов, но и порождают чувство общности.

Таким образом, каждый существующий сквот является реализованной утопией, попыткой создать модель общежития, не совместимую с миром тотального отчуждения и потребления. Сквоттерскому движению характерно некое разнообразие, как в составе его представителей, так и в идеологии, но всем им присуща общая черта – оппозиция государству, которая выражается в стремлении к самоуправлению.

Библиографический список:

1. Катсификас Дж. Ниспровержение политики. Европейские автономные социальные движения и деколонизация повседневности / Дж. Катсификас. – Волгоград: Перемена, 2002. – 158 с.
2. Кропоткин П. А. Анархия: Сборник / Сост. и предисловие Р. К. Баладина / П. А. Кропоткин. – М. : Айрис-пресс, 2002. – 576 с.
3. Москвин А. С. Феномен субкультуры сквоттеров / А. С. Москвин. – Киров, 2011. – 57 с.
4. Назаров Д. Общее дело: как появился сквоттинг, каким он бывает и почему снова актуален сейчас [Электронный ресурс] / Д. Назаров. – Режим доступа: <http://www.furfur/culture/culture/179301-squat>
5. Рябов П. Краткая история анархизма / П. Рябов. – Краснодар : Красное и черное, 1995. – 210 с.
6. Тушкин А. Сквоттеры заводятся и в России [Электронный ресурс] / А. Тушкин. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/371930/>
7. Херрманн Ф. Радикальные молодежные движения Германии / Ф. Херрманн // «Неприкосновенный запас». – 2008. – № 5 (61). – С. 25-34.
8. Pruijt H. Squatting in Europe [Электронный ресурс] / H. Pruijt. – Режим доступа: <https://secure-web.eur.nl/fsw/staff/homepages/pruijt/publications/sq-eur>

У статті розглядається феномен сквоттингу, отримавший на сьогодні розповсюдженість в багатьох країнах. Вивчення причин виникнення та процесу становлення сквоттерства дозволяє стверджувати, що в сучасному світі існує достатньо сприятливе середовище для розвитку даного явища.

In the article deals the phenomenon of squatting, that received a sufficient spread in different countries for today. A study of causes of the appearance and the process of becoming squatting, let us to approve that in modern world there is a quite favorable environment for the development of the phenomenon.

Стаття надійшла до редколегії 12.10.2015